

DOI 10.37386/2305-4077-2020-2-26-31

Ю. В. Балакшина¹*Российский государственный педагогический университет имени
А. И. Герцена*

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена исследованию места и роли храма в биографии и творчестве Н. В. Гоголя, в первую очередь, петербургского периода. Делаются выводы о десакрализации храмового пространства под влиянием двух новых культов – эротического и иерархического – заменивших для людей первой половины XIX в. христианскую веру. Высказываются предположения, какие именно петербургские храмы мог посещать писатель в первые годы своего пребывания в столице; каким образом опыт встречи с домовыми храмами различных ведомств, функционировавшими внутри государственного механизма, мог повлиять на образ храмов в творчестве Гоголя. Возможно, встреча с церковной практикой в Синодальный период русской церковной истории, символом которого стал Петербург, и привела к отчуждению писателя от церкви как социального института, но усилила в нем тоску по мистическому измерению Церкви Небесной.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, православная церковь, храм, Петербург Гоголя.

J. V. Balakshina*the Herzen State Pedagogical University of Russia*

ST. PETERSBURG CHURCHES IN THE LIFE AND WORK OF N.V. GOGOL

The article is devoted to studying the place and the role of the cathedral in the biography and writing of N. V. Gogol, especially during St. Petersburg period. The conclusion is made about the desacralization of the temple space under the influence of two new cults – erotic and hierarchical – replacing Christian faith for the people of the first half of the 19th century. The author makes suppositions regarding which particular St. Petersburg cathedrals the writer could visit during the first years of his staying in the capital; the way the experience of facing the house churches of different departments functioning within the state mechanism could influence the image of cathedrals in Gogol's works. Observing the church practice during the Synod period of Russian church history, of which St. Petersburg had become a symbol, resulted in the alienation of the writer from the church as a social institution, but strengthened his longing for the mystic dimension of the Heavenly Church.

Keywords: N. V. Gogol, Orthodox church, a temple, Gogol's St. Petersburg.

Образ храма в творчестве великого писателя всегда занимал существенное, особо значимое место. В той метафизической битве добра со злом, духов света с духами тьмы, Христа с Антихристом, которая всегда занимала Гоголя, храм (его

¹ Юлия Валентиновна Балакшина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета РГПУ имени А. И. Герцена.

писатель в своих художественных произведениях и письмах по преимуществу называет словом «церковь») всегда воспринимался как сакральное и символическое пространство. Если в книге «Вечера на хуторе близ Диканьки» церковь – место, куда закрыт путь темным силам и безбожным людям, то уже в повести «Вий» (сборник «Миргород» 1835 г.) изображено, как непроницаемость границы нарушается и демонические силы наполняют собой храм. С одной стороны, победа Хомя Брута в ночной битве с панночкой-ведьмой заканчивается победой света, зажигающего купола киевских церквей: «Он стал на ноги и посмотрел ей в очи: рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей» (II, с. 187). С другой же стороны, церковь, где будет проходить отпевание панночки, практически полностью лишена признаков жизни, помещена в периферийное, принадлежащее силам хаоса пространство: «Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения» (II, с. 200). И далее «церковные деревянные стены, давно молчаливые и оглохлые» (II, с. 207) будут лишь отражать живой голос героя.

Безусловно, поэтому для автора «Миргорода» фраза: «Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей!» (II, с. 207), – не только художественная деталь, но и символический диагноз, когда церковь как храм, строение метонимически совпадает с церковью как общественной институцией, утратившей свое божественное предназначение. Ведь в конце повести показано, что церковь – как зданием, так и сообществом – практически овладели демонические силы: «Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги» (II, с. 217). Но и такое упоминание церкви Гоголем в петербургский период было настолько редким, что это можно воспринять как своего рода минус-прием: церковь с «чудовищами», застрявшими в ней, «обросла лесом, корнями, бурьяном... терновником» и – потеряна для людей: «никто», в том числе и сам автор, «не найдет теперь к ней дороги» (II, с. 217).

В финале повести «Невский проспект» (1835), разоблачая призрачность, демоническую иллюзорность главной улицы столицы, Гоголь упоминает строящуюся лютеранскую церковь (ее архитектором был А. Брюллов – брат «великого Карла»)². Однако в тексте нет даже намека на то, что возводится сооружение веры: «Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившиеся перед строящейся церковью, судят об архитектуре ее? – Совсем нет: они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой» (III, с. 45–46). Два толстяка, зеркально удвоенные двумя воронами, не воспринимают храм даже как явление культуры, они существуют в том бездуховном пространстве, где нет и не может быть ничего подлинно ценного.

² Лютеранская кирха Петра и Павла на Невском проспекте строилась в 1833–1838 годах.

Единственным храмом Петербурга, названным в художественном творчестве и письмах Гоголя, стал Казанский собор. В письме матери из Травемунде от 13 (25) августа 1829 г., при описании кафедрального собора в Любеке, Гоголь сравнивает его с Казанским: «Высота ровная во всех местах и, вообразите, несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпиром и крестом» (X, с. 156). Главным украшением церкви в Любеке действительно являются два шпиля высотой 125 м. Высота же Казанского собора, вместе с венчающим купол крестом, – 71,6 м. Это, действительно, одно из самых высоких купольных зданий в мире, но встреча с готической архитектурой затмила в воображении молодого Гоголя сооружение А. Н. Воронихина.

Второй раз Казанский собор упоминается в гоголевском письме М. П. Погодину от 18 марта 1835 г. в связи с предстоящей публикацией повести «Нос». Описывая встречу в этом храме майора Ковалева с его сбежавшим носом, писатель понимал, что это может вызвать отрицательную реакцию цензуры (как затем и произошло), однако не отказался от задуманного сюжетного хода: «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то пожалуй можно его перевести в католическую. Впрочем я не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума» (X, с. 355). Однако потом, уступая цензуре ради публикации повести, Гоголю пришлось перевести встречу даже не в католическую церковь, а в Гостиный двор, что, при чуткости писателя к духовной семантике пространства, было весьма болезненным изменением.

Очевидно, что «адский дух», пронизывающий фантазмагорический мир гоголевского Петербурга, проникает за ограду церкви с еще большей легкостью, чем это описано в повести «Вий». Сбежавший нос – привидение, призрак – вполне органично чувствуя себя в стенах собора, молится «с выражением величайшей набожности» (III, с. 55). Сакральное пространство профанируется, собор становится как бы личиной подлинной церкви. Здесь тоже действует принцип всемогущего Невского проспекта: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!» (III, с. 45). Внутри храмового пространства на глазах читателей разворачиваются два типа отношений: эротические и иерархические – два новых культа, заменивших для людей первой половины XIX в. христианскую веру. Несмотря на катастрофический дефект своего лица, майор Ковалев пытается флиртовать с «легонькой дамой». Но в данном случае для нас важнее его диалог с пропавшим носом, внутренне и внешне определенный разницей в их чинах (5 и 8 в Табели о рангах). Нос «по всему, по мундиру, по шляпе» (III, с. 55) – статский советник. Определяя свое право на возвращение носа, Ковалев исходит не из своего человеческого достоинства или человеческой природы, а из чина: «Конечно я... Впрочем я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично» (III, с. 56). Чин в гоголевском мире заменяет экзистенцию, а Казанский собор – кафедральный в столице – становится местом, где иерархия Табели о рангах не разрушается, а утверждается. Образ этого городского храма в художественном мире Гоголя противостоит малороссийской церкви, которая собирает всех, невзирая на чины и звания, в единое народное и церковное тело: «Настало утро. Вся церковь еще до

света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках, набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зеленых и желтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Девчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник» (I, с. 240–241).

Какой же реальный жизненный опыт мог стоять за тем восприятием храма и церкви, которое отразилось в повести «Нос»? Какие храмы мог посещать Гоголь в Петербурге? Знаменательно, что довольно подробно отчитываясь в письмах к матери о различных посещаемых им столичных местах, Гоголь не пишет, какой храм выбрал для своей церковной жизни. Конечно, он бывал в кафедральном Казанском соборе, но логично предположить, что в Петербурге он столкнулся с таким явлением, как домовые храмы различных ведомств. В допетровское время домовыми считались храмы, находившиеся в домах знатных и богатых людей. Однако после выхода указа Петра I от 12 апреля 1722 г. было закрыто сразу 17 храмов, принадлежавших видным московским князьям и боярам. Также были введены жесткие ограничения: предписывалось закрыть все домовые храмы, кроме тех, что принадлежат знатым персонам, которые не могут добираться до других храмов по состоянию здоровья. Им разрешалось оставлять эти храмы только до тех пор, пока они живы, а после их смерти имущество храма должно было быть передано в приходскую церковь.

После Петровской эпохи появляются домовые храмы при казенных учреждениях. Начиная чиновничью карьеру в Петербурге, Гоголь должен был столкнуться с этим, когда поступил в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел (дом Якунчиковой на набережной реки Мойки, 66), где храма не было. Лишь после переезда Департамента в ампириный корпус вдоль Театральной улицы, который Карло Росси возвел в 1829 г., министр Сергей Степанович Ланской планировал создать на втором этаже этого корпуса церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Гоголь к тому времени уже служил по другому ведомству. В апреле 1830 г. он перешел в Департамент уделов, располагавшийся в комплексе зданий на Дворцовой набережной и Миллионной улице³, которые были перестроены под нужды департамента по проекту архитектора Андрея Воронихина. При Главном управлении Департамента 21 марта 1808 г. была освящена церковь свт. Спиридона Тримифунтского (в день памяти этого святого родился Александр I). И хотя Гоголь служил в Департаменте уделов всего год, именно тогда, в 1830 г. министр двора кн. П. М. Волконский подарил храму священные сосуды хорошей работы. Возможно, писатель стал свидетелем этого события.

³ В 1800-е годы Департамент уделов выкупил «Миллионный дом», а также соседние строения: дом банкира Ливии и здание городского ведомства.

В 1831 г. Гоголь получает место преподавателя истории в Патриотическом институте – закрытом среднем женском учебном заведении, где храм был обязателен. В мае 1819 г. Патриотическое общество приобрело дом купца Бопре на 10-й линии Васильевского острова и надстроило здание третьим этажом. В этом этаже и была 24 декабря 1819 г. освящена в присутствии Императрицы домовая церковь. Впоследствии здание неоднократно перестраивалось и достраивалось, и церкви приходилось менять свое местоположение. С 28 октября 1828 г. она располагалась на втором этаже левого флигеля, но иконостас остался старый, из церкви 1819 г. (правда, в 1831 г. на нем установили фигуры двух ангелов, пожертвованные известным скульптором В. И. Демут-Малиновским). И можно утверждать со всей уверенностью, что Гоголь посещал эту церковь, ибо трудно предположить, как преподаватель истории мог бы публично уклоняться от исполнения религиозного долга.

Таким образом, столица дала Гоголю опыт встречи с церквями, функционировавшими внутри государственного механизма. Это стало возможно только в Синодальный период русской церковной истории, чьим символом был Петербург. В позднем гоголевском творчестве храму возвращается его созидающее, собирающее, глубоко духовное значение. В пейзаже, открывающем 2-й том поэмы «Мертвые души», вновь «над всем этим собраньем деревьев и крыш возносилась свыше всего своими пятью позлащенными играющими верхушками старинная деревенская церковь» (VII, с. 8), – но очевидно, что никакого, даже отдаленного отношения к петербургским храмам эта церковь не имеет.

Наверное, отчуждение Гоголя от храмов Петербурга смогла бы преодолеть встреча с каким-то выдающимся священником (впрочем, это тема для отдельного исследования). Отметим только, что с 1831 по 1846 г. настоятелем Казанского собора был прот. Петр Мысловский, склонявший к раскаянию декабристов, о котором В. А. Жуковский писал: «Он человек достойный по твердому характеру, по уму и по сердцу. Но этого мало: нужно иметь при характере и большие сведения по богословию» [Жуковский, 1898, с. 325]. Сменил же его на этом посту прот. Т. Ф. Никольский, который по совместительству был членом Комитета духовной цензуры. В 1846 г. состоялась его заочная встреча с Гоголем. Цензор Санкт-Петербургской духовной цензуры прот. Тимофей Никольский о главе «О нашей Церкви и духовенстве» из книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» написал: «Понятия автора о русской церкви КОНФУЗНЫ» [Гоголь, л. 7–8], – и запретил главу к публикации!

Так и не состоялась встреча Синодальной русской церкви и церкви, чаемой Гоголем, – живого и праздничного собрания людей, соединённых Светлым Христовым воскресением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гоголь, Н. В. О нашей церкви и духовенстве. Беловой автограф / Н. В. Гоголь // РГИА. Фонд 797. Опись 16. Ед. хр. 37414.

Жуковский, В. А. Письма / В. А. Жуковский // Жизнь. – 1898. – № 9. – Цит. по изд.: **Бокова, В. М.** Вступ. статья: Из переписки отца Петра Мысловского / В. М. Бокова // Российский Архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – Москва: Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 2003. – С. 97.

REFERENCES:

Gogol', N. V. O nashey tserkvi i dukhovenstve. Belovoy avtograf / N. V. Gogol' // RGIA. Fond 797. Opis' 16. Yed. khr. 37414.

Zhukovskiy, V. A. Pis'ma / V. A. Zhukovskiy // Zhizn'. – 1898. – № 9. – Tsit. po izd.: **Bokova, V. M.** Vstup. stat'ya : Iz perepiski ottsa Petra Myslovskogo / V. M. Bokova // Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. – Moskva : Studiya TRITE : Ros. Arkhiv, 2003. – S. 97.